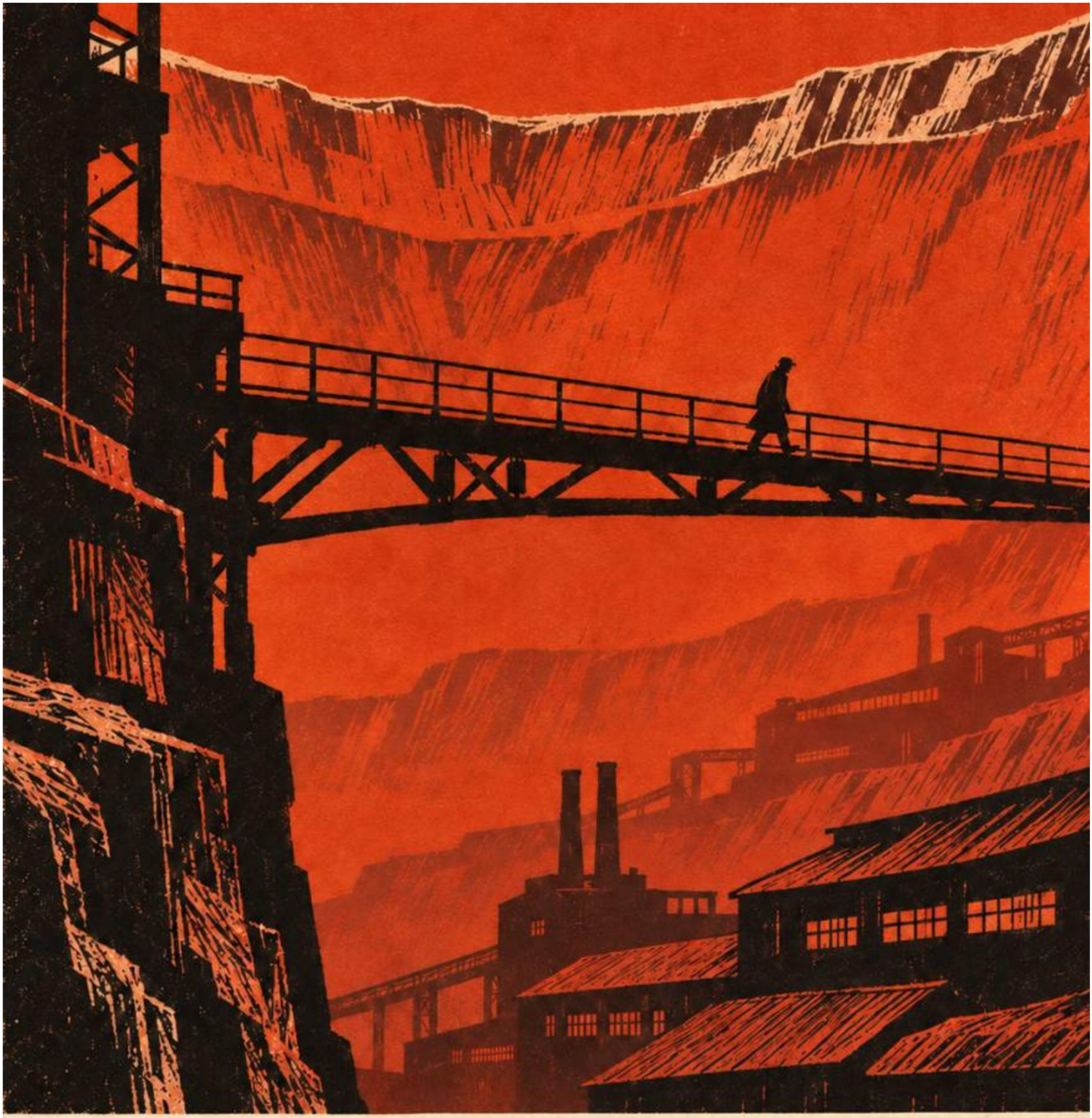

ПЕПЕЛ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ

18+

Здесь за долги платят памятью

Марк Ровен

Пепел завтрашнего дня

«Автор»
2026

Ровен М.

Пепел завтрашнего дня / М. Ровен — «Автор», 2026

В Кальдгарде за магию платят не золотом — за неё сжигают память. Один лишний ритуал, и ты забудешь вкус хлеба, лицо матери, собственное имя.Каспар Ворн — взыскатель клятвенных долгов в Низинах. Он давно не помнит прошлого и держит свою жизнь в старом блокноте, чтобы однажды не проснуться пустым Огарком. Но всё меняется, когда на пороге его конторы оставляют парня с молочно-белыми глазами и чистой кожей без единого ожога. Кто-то в городе научился выжигать в людях не прошлое, а саму способность чего-то хотеть.Теперь Каспару придётся подняться из угольной копоти к Вершинному Шпилю — туда, где чужие жизни продают на вес пепла.

© Ровен М., 2026
© Автор, 2026

Марк Ровен
Пепел завтрашнего дня

Оглавление

Глава 1. Цена чужой клятвы 3
Глава 2. То, что не болит 10
Глава 3. Пустой лист 20
Глава 4. Тихие Врата 28
Глава 5. Склеп Памяти 36
Глава 6. Шлаковые Ямы 43
Глава 7. Аукцион пепла 50
Глава 8. Выбор без завтра 57
Глава 9. Тот, кто помнит 63
Глава 10. Спуск к Сердцу 69
Глава 11. Клятва Намерения 75
Глава 12. Чистая страница 85

Глава 1. Цена чужой клятвы

В Низинах пепел висел в воздухе, как мука на закрытой мельнице, и оседал на языке сухим известковым налетом. Каспар Ворн поправил сползший с переносицы угольный намордашник и толкнул плечом обитую жестью дверь кожевенного склада.

Петли не скрипнули. Недавно смазали бараньим салом — значит, хозяин ждал гостей и уже прикидывал, как уйти черным ходом.

Внутри шибануло мокрой псиной, дубильным отваром и дешевым табаком. На верстаке чадила единственная сальная плошка; неровный оранжевый язык выхватывал из полумрака стопки невыделанных козлиных шкур и человека, который безуспешно пытался застегнуть дрожащими пальцами пряжку дорожного мешка.

— Оставь ремень, Бауэр, — сказал Каспар и прикрыл за собой дверь. — На Угольных Мостках сегодня облава Стражи. С таким тюком тебя примут еще до второго подъемника.

Хенрик Бауэр дернулся. Локоть задел жестяную кружку, и та со звоном покатилась по утоптанному полу. Коренастый, рано облысевший мужик с красными от вечной гари глазами и синюшной наколкой речного перевозчика на шее. Три года назад он гонял контрабандное зерно через внешние перевалы, но после второго обвала у Шпиля перекинулся на сушеные грибы и прогорел.

— Ворн… — Бауэр выдохнул и медленно отвел руки от мешка. Взгляд его сразу скользнул к правой перчатке Каспара — туда, где под протертой кожей угадывалась жесткая ребристая сетка старых ожогов. — Я же просил у лавочника отсрочку до полнолуния. Товар еще не ушел.

— В Кальдгарде нет полнолуний, Хенрик. Одни чад да счетчики квот. — Каспар подошел к верстаку, расстегнул длинный сюртук из вощеной парусины и выложил на засаленное дерево плоскую свинцовую бирку. На тусклом металле темнело бурое пятно присохшей крови и четкое нотариальное клеймо Гильдии Скупщиков. — Три меры проса и два куля угля под один вдох. Просрочка — одиннадцать дней.

— Грабеж, — просипел Бауэр, пятясь к бочкам с дубильной кислотой. — Я отдам углем. Завтра. Послезавтра!

— Завтра твоя бирка уйдет с молотка черным скупщикам. — Каспар говорил ровно; за шесть лет в Низинах он усвоил, что тихий голос пугает должников куда сильнее крика. — Они

церемониться не станут: выжгут не полчаса юности, а весь навык работы с кожей. Останешься без ремесла. Я заберу ровно то, что вписано в закладную.

Он достал из внутреннего кармана латунную флягу, открутил крышку и глотнул. Обжигающее горькое пойло из мяты ударило по нёбу. Вкус отбило еще в Ордене — та самая «белая слепота» первой стадии выгорания, — но резкая горечь и холодный металл прочищали голову. По утрам, когда туман в кратере стоял особенно плотно, Каспар ловил себя на том, что забыл не только вкус соли, но и то, зачем вообще поднимается с койки.

— Сколько? — Бауэр сглотнул, уставившись на бирку, как на гадюку.

— Один вдох. Пятнадцать минут сенсорной памяти. — Каспар вынул из футляра тонкую костяную иглу-сжигатель с полостью на конце и отсыпал туда с полнаперстка серо-бурой минеральной крошки — стандартный гран золы. — Садись. Дернешься — игла уйдет глубже, и вместо запаха речной воды забудешь цвет глаз жены.

Спорить Бауэр не стал. Тяжело опустился на перевернутый ящик, закатал левый рукав рубахи и зажмурился. Пальцы у него мелко тряслись, на лбу проступила липкая испарина.

Каспар стянул правую перчатку. При свете плошки кожа на предплечье напоминала старую обугленную доску: ветвистые черные рубцы уходили под манжету, сухие и мертвые к жару. Он приложил свинцовую бирку к запястью должника, прижал сверху острие иглы и прикрыл глаза, прислушиваясь к глухому, едва различимому гулу, который тянуло откуда-то из-под фундамента склада.

Там, внизу, в самом центре четырехверстной чаши кратера, покоилось Окаменелое Сердце. Оно не билось — просто гнало вверх ровный сухой жар, от которого кончики пальцев начинало мелко колоть.

«Вскрытие», — отметил про себя Каспар и выровнял дыхание.

Зола на кончике иглы взялась тусклым синеватым тлением. Воздух вокруг на секунду пересох, как у растопленной печи, пахнуло жженым пергаментом и кислой грозовой гарью. Каспар работал только проводником, сжигая оговоренный в клятве пласт, но обратная отдача все равно полоснула по предплечью — у самого запястья легла тонкая свежая нитка черной коры.

Бауэр дернулся, из горла вырвался короткий сиплый выдох, будто из него выдавили остаток воздуха. Прямо под свинцовой биркой на руке проступил аккуратный черный рубец с ноготь размером.

Через три удара пульса всё затихло.

Каспар убрал иглу, вытер лоб тыльной стороной ладони и снова отхлебнул из фляги. К травяной горечи на миг примешался странный чужой привкус — будто он сам стоит по колено в ледяной горной реке и слышит плеск весел. Чужая молодость, чужое лето, сожженное в пыль за три мешка проса.

Он моргнул, тряхнул головой и вытащил из кармана толстый блокнот на вощеной бумаге. Поставил дату, номер бирки и вписал две строчки угловатым шифром Ордена: «Бауэр Х. — 1 вдох списан. Побочный след: речная вода, сосна». На собственную голову Каспар давно не полагался. По архивам он знал, что когда-то у него была мать и она пекла хлеб с шалфеем, — но встреть он ее сейчас на Ржавом рынке, прошел бы мимо, не узнав ни лица, ни голоса.

Бауэр медленно разлепил веки. Посмотрел на свой рукав, потом на Каспара — долго, тупо, будто силясь вспомнить, о чем они только что толковали.

— Ты… уже уходишь? — спросил он глухо. — Погоди. Я же хотел рассказать про старый причал. Там вода такая… — Он осекся, наморщил лоб, потер виски. — Черт. Какая там была вода? Холодная? Или нет?

— Неважно, Хенрик. — Каспар завернул остывшую бирку в промасленную тряпицу и сунул в карман. Теперь ее можно нести в контору Скупщиков за своими пятнадцатью процентами комиссионных. — Долг закрыт. Спи.

Он вышел за дверь, оставив бывшего контрабандиста сидеть на ящике с пустым, потерянным взглядом.

* * *

Дорога обратно к бывшей котельной, где Каспар снимал угол под контору, заняла минут двадцать. Над Дымящимися Низинами сгущались сумерки, хотя здесь, на дне кратера, день от ночи отличался лишь тем, что сверху, с Кромки Ветров, изредка пробивался мутный серый свет. Сейчас над головой висела плотная пелена липкой мороси, оставлявшая на вощеном плаще жирные серые разводы.

Каспар шел быстро, подняв воротник и прижимая локтем сумку с инструментом. Под сапогами мерно хрустела битая изгарь. На перекрестке у парового конденсатора два поденщика в грязных намордашниках катили тачку с углем, а у стены бывшей кузницы сидел Огарок — тощий старик в одном рубище. Он беззвучно шевелил сухими губами и скреб ногтями кирпич. Свое имя старик сжег еще прошлой зимой; теперь весь город был для него набором теплых и холодных пятен.

Каспар отвернулся. На его собственных руках хватало черной вязи, чтобы понимать: до такой ручки рукой подать. Один крупный срыв, один лишний ритуал без чужой бирки — и вместо памяти в голове останется только сквозняк.

Контора занимала пристройку старой насосной станции у самой границы Угольных Мостков. Место удачное: клиенты из Низин не боялись сюда спускаться, а клерки со Среднего Яруса могли сбежать по железной лестнице, почти не пачкая сапог.

Свернув в узкий переулок, Каспар еще за тридцать шагов заметил, что железная дверь приоткрыта, а у порога, привалившись спиной к кирпичному косяку, кто-то сидит.

Он остановился и нащупал в кармане рукоять тяжелой свинцовой дубинки Стражи — единственного оружия, для которого не нужны ни зола, ни память.

— Тоби? — негромко позвал он.

Фигура у двери не шелохнулась. Это был Кривой Тоби — тощий двадцатилетний парень с перебитой в детстве ключицей, который за пару медных жетонов и банку консервированных грибов таскал Каспару новости из долговых ям и подпольных притонов.

Каспар подошел ближе, опустился на колено, тронул парня за плечо. Теплое. Тоби дышал — ровно, глубоко, почти спокойно.

— Эй, малый. Перебрал денатурата? — Каспар взял его за подбородок и повернул лицо к тусклому свету уличной жаровни.

И замер.

Глаза у Тоби были распахнуты, но вместо привычных карих зрачков на Каспара смотрела мутная, молочно-белая пелена. При белой слепоте просто тускнеют краски и пропадает вкус, а здесь под веки будто залили жидкий мел — ровная, глухая белизна.

Каспар рванул с парня старую куртку, задрал рукава рубахи до самых плеч. Чистая кожа на запястьях и предплечьях. Ни одного черного ожога, ни ниточки пепельной вязи, ни следа иглы-сжигателя.

— Не может быть, — пробормотал он, выуживая из нагрудного кармана спичечный коробок.

Чиркнул серной спичкой и поднес огонек прямо к лицу Тоби, в трех пальцах от носа. Парень даже не моргнул. Не отшатнулся от жара, не дернул головой. Но когда Каспар убрал руку и слегка толкнул его в грудь, Тоби машинально перенес вес, чтобы не завалиться, и снова застыл, уставившись в кирпичную стену напротив.

Даже Огарок в последней стадии выгорания шарахался от огня — инстинкт самосохранения цеплялся за жизнь последним. У этого парня не осталось и его. Ни страха, ни любопытства, ни желания встать и уйти. Будто кто-то вырезал из головы не прошлое, а саму способность чего-то хотеть.

Позади в переулке мерно захрустела крошка под тяжелыми подкованными сапогами.

Каспар едва успел выпрямиться, как из пепельного тумана выступили трое. Двое — рослые бойцы в длинных промасленных плащах, с тяжелыми арбалетами на сгибе локтя, какие таскает только личная охрана Магистрата или старших патрициев. Между ними шел высокий мужчина лет пятидесяти в безупречном темно-сером суконном сюртуке; высокий стоячий воротник от гари плотно закрывал шелковый платок.

Советник Маркус фон Дорн. Бывший покровитель архивного крыла Ордена и один из тех, кто шесть лет назад подписал приказ о лишении Каспара сана.

— Не тянись за дубинкой, Ворн, — спокойно сказал Дорн, остановившись в пяти шагах и брезгливо обойдя лужу ржавого конденсата. — Хотел бы убрать тебя — мои люди не топали бы по щебню, как обозные мулы.

Каспар отряхнул колени от черной пыли и покосился на сидящего у двери Тоби.

— Ваши знакомые, господин Советник? Или в Верхнем Шпиле заскучали и решили спуститься в Низины поглядеть, как дохнут мои осведомители?

— Он жив. — Дорн скользнул взглядом по Тоби и поморщился, будто увидел раздавленную крысу. — Третий за десять дней. Первым был младший писарь из Управления Квот, вторым — наемник Гильдии Скупщиков на Среднем Ярусе. У всех чистая кожа, ни следа свинцовой бирки и белые глаза. Официально — «пепельная лихорадка». Неофициально — в городе завелся умелец, который научился выжигать людям завтрашний день вместо прошлого.

Ворн промолчал. Вытащил флягу, глотнул — просто чтобы занять руки, — и присмотрелся к пальцам Дорна. Старая привычка дознавателя. Перчатки Советника были сшиты из тончайшей телячьей кожи, ни одного вздутия от рубцов. Либо магией сам не пользуется, либо платит за нее чужими жизнями.

— У вас есть Орден Сухого Пепла, — заговорил наконец Каспар. — Целая казарма Пеплоносцев и половина Ночной Стражи на жалованье. Зачем спускаться к отступнику в котельную?

— Затем, что у Ордена связаны руки, — отрезал Дорн, и светская мягкость сразу слетела с голоса. — Две ночи назад из закрытого хранилища под Шпилем пропала реликвия. Осколок Сердца, по старым описям — «Камертон Нуля». Отправлю туда Пеплоносцев — завтра о краже узнает весь Совет Гильдии, а через три дня в Низинах начнется резня. Мне нужен человек, который умеет искать без шума, знает повадки низов и не числится ни в одном живом реестре.

— Меня вышвырнули из Ордена шесть лет назад, Дорн. С волчьим билетом и запретом подходить к верхним подъемникам. — Каспар качнул головой. — Ищите другую ищейку.

Дорн шагнул ближе. Запах дорогого лавандового табака на миг перебил тяжелую вонь серы и мокрого угля.

— Я предлагаю не золото, Ворн. Через неделю твои долги перед синдикатом выкупят, клеймо отступника снимут, имя вернут в архив. И еще… — Советник чуть наклонил голову, вглядываясь в лицо Каспара. — Ты ведь до сих пор не знаешь, что случилось с тобой в те три месяца перед трибуналом? В деле одни сухие подписи, а собственная память выжжена под корень.

Каспар не отвел взгляда. Под ребрами стало пусто и тяжело, как после удара тупым кулаком.

— Откуда вам знать, что у меня выжжено?

— Протокол вскрытия подписывал я, — тихо ответил Дорн. — И человек, который украл Камертон и превратил твоего осведомителя в пустую куклу, ставит ту же печать, что стояла на твоем закрытом деле. Думай до рассвета, Ворн. Если через три дня Камертон не вернется в хранилище, инквизиция начнет зачистку Низин. И начнут с твоей двери.

Советник кивнул бойцам, развернулся и шагнул обратно в серую мглу. Через минуту затихли и шаги.

Каспар остался один в душном переулке. Постоял пару секунд, глядя в пустоту, куда ушел Дорн, потом медленно опустился на корточки перед Кривым Тоби.

Словам Советника он не верил ни на медный грош. Но если в его собственных выжженных трех месяцах и правда замешан этот Камертон, отсидеться в Низинах не дадут.

Он достал из кармана старую складную лупу дознавателя в латунной оправе — единственную вещь, которую ему позволили забрать из Ордена при изгнании. Раздвинул большим пальцем веко Тоби и придвинул стекло вплотную к белесому глазу.

Сначала видел только ровную, мертвую муть. Но стоило поймать отсвет уличной жаровни под острым углом, как на самом краю радужки, под прозрачной пленкой, проступил крошечный, толщиной с волос, узор черного пепельного ожога.

Тройная спираль, перечеркнутая острием иглы.

Во рту у Каспара пересохло. Он захлопнул лупу так резко, что латунь щелкнула по пальцам.

В Кальдгарде три десятка мастеров умели ставить сложные клятвенные печати. Но этот личный знак — тройную спираль с перечеркнутым устьем — выводил только один человек.

Юлиан Крей. Старший теолог-экспериментатор Ордена, официально погибший при обвале нижних штолен ровно шесть лет назад.

Глава 2. То, что не болит

Кальдгард дышал гарью.

Каспар Ворн спускался с Угольных Мостков по обледенелой железной лестнице, и каждая ступенька отзывалась в коленях тупым гулом. Внизу, в котловине Шлаковых Ям, рыжие костры плавилен проедали сырой туман, как ржавчина — старую жесть. Воздух стоял густой, тяжелый, с привкусом мокрой золы и серы. Вощеный плащ цеплялся полами за клепаные поручни, шуршал сухо и зло.

На площадке третьего пролета он остановился, отвинтил крышку латунной фляги и дважды глотнул.

Травяной отвар обжег горло холодом. Вкус он почти не различал — белая слепота съела рецепторы еще четыре года назад, оставив вместо еды и питья одну температуру да смутную горечь на самом корне языка. Но холод был настоящий. Холод будил.

Каспар закрутил крышку, сунул флягу за пазуху и поправил ремень сумки. Внутри, завернутые в промасленную ветошь, лежали вощеный блокнот с шифром и горсть свинцовых бирок — чужие клятвы, которые он все никак не мог выбросить. Привычка. Когда-то эти бирки давали право ломать двери от имени Ордена Сухого Пепла. Теперь годились разве что на грузила или чтобы оттягивать карман, напоминая, сколько народу в этом кратере до сих пор ходит у него в должниках.

Из головы не шел Кривой Тоби.

Два часа назад осведомитель лежал на мокром пороге конторы, привалившись спиной к косяку. Пальцы скрючены, под ногтями — черная грязь из нижних стоков. Глаза — ровные, молочно-белые, без зрачка и белка, словно два отполированных голыша. Тоби не кричал, даже не дрожал — просто таращился в никуда и дышал ровно, как спящий с открытыми веками.

Обычная игла-сжигатель выжигает прошлое. Прах — мелкие бытовые привычки. Уголь — лица и имена. Шлак — то, ради чего человек встает по утрам. Огарок — саму способность помнить, кто ты такой.

Но у Тоби выжгли то, чего еще не было.

И через лупу, на самой кромке мертвой радужки, Каспар разглядел клеймо. Тройную спираль, перечеркнутую острием иглы. Знак Юлиана Крея, который сгорел при обрушении седьмой штольни шесть лет назад.

— Спи спокойно, дурак, — пробормотал он в темноту.

Голос вышел сиплым. На нижних ярусах связки садились на раз.

Лечебница Ирис Вельц пряталась в старом водосборнике под отвалом, там, где сточные канавы Низин сходились в черную речку-вонючку. Снаружи — вылитая заброшенная красильня: выбитые окна затянуты прокопченной рогожей, кривая вывеска с облезшим чаном, наваленные у стены мешки с известью.

Каспар обошел кучу битого кирпича, спустился по трем скользким ступеням к обитой жестью двери и постучал костяшками пальцев. Два быстрых удара, пауза, один тяжелый, еще два.

За дверью долго молчали. Потом щелкнула задвижка — сразу три, на разной высоте. Створка приоткрылась ровно на ширину ладони; в щель потянуло карболкой, медной стружкой и жженым ладаном.

— Закрыто, — отрезала Ирис. — Должников не принимаю, сборщиков тем более.

— У меня не ожог, — ответил Каспар и шагнул ближе, подставляя лицо тусклому свету фонаря изнутри. — Точнее, не только он. Открой, Ирис. На улице сыро, правая рука опять ноет к дождю.

Пауза. Щелкнула цепь. Дверь распахнулась шире, пропуская его в теплое, тесное подземелье.

Ирис Вельц задвинула засовы и только тогда обернулась. Двадцать семь лет, а под глазами уже залегли сухие темные тени, какие бывают у мастеров, сутками не отходящих от горелки. Короткие каштановые волосы убраны под полотняную косынку, на запястьях темнеют старые пятна медного купороса и полосы свежих бинтов. Пахло от нее едкой мазью, кислотой и сухим табаком.

— Я думала, ты сгинул на прошлой неделе, — бросила она, возвращаясь к длинному верстаку, заставленному склянками, щипцами и мотками проволоки. — Болтали, люди с Террас искали возвращателя по делу о пропавшем ящике.

— Нашли другого. — Каспар снял вощеный плащ, повесил на ржавый крюк у входа. Вода с подола закапала на каменный пол. — Меня сегодня позвали наверх. Сам советник Маркус фон Дорн.

Ирис замерла с пинцетом в руке. Металл звякнул о край стеклянной банки.

— Дорн? Из Верхнего Шпиля?

— Оттуда. Обещал полную амнистию. Снять все старые приговоры Ордена, вернуть право на ношение иглы. Всего-то за одну безделушку. «Камертон Нуля».

Она медленно положила пинцет на клеенку. Повернулась всем корпусом, оперлась поясницей о край стола.

— Ты не взял заказ.

— Взял. — Каспар подошел к жаровне, протянул озябшие пальцы к тлеющему углю. — Выбора не было, Ирис. Когда советник предлагает амнистию, он на самом деле говорит, что знает, где ты спишь. Но дело не в Камертоне.

Он закатал правый рукав суконной рубахи. При свете масляной лампы предплечье выглядело так, будто кожу залили расплавленным дегтем, а потом содрали вместе с мясом. Черные глянцевые рубцы тянулись от запястья почти до локтя — уродливая сетка грани золы. Несколько линий на самом сгибе слегка кровоточили.

— Садись, — коротко велела Ирис. — Опять крутил вязью без смазки?

— Пришлось. Вчера один мясник с Угольных Мостков решил, что бирка с его клятвой — просто кусок свинца.

Каспар опустился на низкую табуретку. Ирис зачерпнула деревянной лопаточкой густую серую пасту из банки и принялась втирать в края рубцов. Мазь холодила кожу, пахла камфарой и толченой слюдой. Каспар даже не поморщился — только желваки на скулах сдвинулись и застыли.

— Ты дошел до Угля на правой руке еще год назад, — сказала она вполголоса, не отрываясь от дела. — Еще два-три таких рывка, и нервы сварятся окончательно. Станешь как те обрубки в низинах, что чашку удержать не могут.

— Не стану. Мне перевязка без надобности, Ирис. Мне нужна твоя настройка.

Она остановилась, вытерла пальцы о фартук.

— Я больше не настраиваю резонанс, Ворн. Выгнали из цеха — теперь только штопаю тех, кто обжегся.

— На пороге моей конторы сегодня умер Кривой Тоби, — сказал Каспар, глядя на ее перемазанные серой пастой пальцы. — Не от ножа и не от обычного ожога. Белые глаза. У него выжгли завтра.

Ирис перестала вытирать руки. Фартук так и остался зажат в кулаке.

— Уверен? — голос у нее сел, стал сухим и ломким.

— Смотрел в лупу. Там печать. Тройная спираль, перечеркнутая иглой.

В подземелье стало слышно, как за стеной капает вода из прогнившей трубы. Кап. Кап. Кап.

Ирис резко поднялась, чуть не опрокинув табурет. Прошла к дальней стене, где за стопками чистой ветоши темнела низкая железная дверь с тяжелым навесным замком. Вытащила ключ на тонкой цепочке из-за ворота рубахи, дважды провернула. Металл заскрежетал.

— Пойдем, — бросила она через плечо. — И закрой за собой.

За дверью оказался узкий каменный мешок без окон, вырубленный прямо в базальте. Стены обиты старым войлоком, чтобы гасить уличный шум; в углу горит керосиновая лампа с зеленым абажуром. На узкой железной койке под серым одеялом сидел подросток лет шестнадцати.

Сидел прямо, положив ладони на колени. Худой, длинношеий, в чистой, но заштопанной на плечах рубахе. На лице — ровная, гладкая пустота, как на свежевыструганной доске.

Когда Каспар и Ирис вошли, мальчик даже головы не повернул.

— Лукас, — позвала Ирис. Голос звучал неестественно ровно, будто она сотни раз репетировала эту интонацию, чтобы не сорваться. — Лукас Вельц, посмотри на меня.

Подросток медленно повернул шею.

Каспар сглотнул вставший в горле горький ком.

Те же молочно-белые глаза. Гладкие, чуть выпуклые, без зрачков — в зеленоватом свете лампы они казались вырезанными из дешевого фарфора. Мальчик смотрел сквозь сестру, сквозь стену, сквозь саму комнату.

— Когда? — спросил Каспар.

— Девять дней назад. — Ирис подошла к койке, поправила сбившееся одеяло на ногах брата. Лукас не шевельнулся. — Пошел разносить заказы на Угольные Мостки и не вернулся к ужину. Нашла его утром у подножия третьего подъемника. Сидел на ящике и просто ждал. Не знаю, чего. Он ничего не просит, Каспар. Не ест, пока ложку в рот не сунешь. Не спит, пока не уложишь и не закроешь веки руками.

Она присела на корточки перед койкой, взяла холодную руку брата в свои.

— Он помнит меня, — добавила шепотом. — Помнит, как мать пекла хлеб, помнит, как я в детстве уронила его с лестницы. Все прошлое на месте. А вот «потом» у него нет. Совсем. Я вчера спросила: «Лукас, что ты хочешь завтра?» А он смотрел на меня и молчал, пока я не замолчала сама. Не понимает этого слова.

Каспар опустился на колено рядом с койкой. Достал из внутреннего кармана маленькую медную лупу — ту самую, которой осматривал Тоби. Приблизил к лицу мальчика. Ирис напряглась, плечо дернулось, но руку она не отвела.

На самом краю левого глаза, где белок должен переходить в радужку, под мутной пленкой проступал крошечный, выжженный до синевы узор. Тройная спираль. И черта поперек, заостренная на конце.

Каспар убрал лупу.

— Работа Крея, — сказал он. — Или того, кто украл его иглы. Обычная вязь жжет память, потому что память уже случилась — у нее есть вес и форма. Чтобы выжечь будущее, нужен резонанс. Надо зацепить саму тягу человека к следующему вдоху и оборвать под корень.

— «Камертон Нуля», — выдохнула Ирис. Она подняла голову; в глазах блестела сухая, злая решимость. — На Среднем Ярусе о нем шептались еще при мне. Говорили, старые мастера пытались собрать инструмент, который гасит откат от Окаменелого Сердца. Чтобы работать на слое Шлака и не сходить с ума. Если кто-то перенастроил его на живых людей…

— Получаются пустые гильзы, — закончил Каспар. — Они не боятся, не ждут, не хотят. Угрозы на них не действуют: угроза — это всегда про завтра.

— Сколько у тебя людей, Каспар? — спросила она в лоб.

— Никого. Два дня до отчета перед Дорном, три свинцовые бирки, которые можно сменять на порох, да пара глаз, еще различающих хоть что-то в тумане.

Ирис посмотрела на Лукаса. Аккуратно уложила его ладонь на колено, встала и вышла первой. Каспар задержался на секунду, глядя, как ровно вздымается грудь подростка, потом прикрыл железную дверь и защелкнул замок.

В главной комнате Ирис уже стаскивала заляпанный фартук. Из-под верстака она вытащила плотную кожаную куртку с нашитыми на груди медными пластинами, короткий респиратор с угольным фильтром и перевязь с тремя тяжелыми цилиндрами в изоляционной ленте.

— Старая базальтовая каменоломня под пятой террасой, — сказала она, затягивая ремни на предплечьях. — Двое моих клиентов, золотари с Низин, вчера приползли оттуда с ожогами легких. Говорили, из расщелины тянет тяжелым серым пеплом. Он не ложится на землю, Каспар — висит в воздухе, как жирная паутина, и гудит.

— Отличное место для прогулки вдвоем, — хмыкнул Ворн, накидывая вощеный плащ. — Почему к страже не пошла?

— Сам догадайся. — Она коротко глянула из-под ресниц. — Стража Среднего Яруса ходит под Дорном. Принесу туда Лукаса — его запрут в «Тихих Вратах» как бракованный материал, а меня пришьют к делу о незаконном хранении резонаторов. Маршрут у нас один, возвращатель. Ты ищешь Камертон, я ищу того, кто превратил моего брата в мебель.

— Тогда бери еще пару фильтров. — Каспар проверил, надежно ли сидит в ножнах длинный узкий нож, и сунул иглу-сжигатель в наручный держатель под правым рукавом. — Если там выброс аномального пепла, без защиты выплюнем легкие через десять минут.

Дорога к каменоломне заняла почти час.

Они шли по кромке Шлаковых Ям, где город обрывался в дымящуюся пропасть, а над головой нависали черные каменные ребра Среднего Яруса. Чем дальше от жилых бараков, тем реже попадались фонари. Здесь, среди брошенных вагонеток и застывших наплывов изгари, Кальдгард пах сухим железом и сладковатым угаром, какой всегда тянет из глубины кратера перед сменой ветра.

Ирис шла впереди. Несмотря на тяжелые башмаки, ступала почти неслышно. Время от времени доставала из кармана небольшой латунный маятник на нитке, смотрела, как он дрожит в воздухе, и прятала обратно.

— Фонит, — шепнула она, когда они спустились в широкий каменный зев старой выработки. — Это не Сердце. Другая частота. Будто кто-то скребет ногтем по натянутой струне.

Каспар поднял воротник плаща, натянул респиратор. Через два слоя угольной ткани дышалось тяжелее, воздух отдавал сухой пылью, зато першение в горле сразу ушло.

Каменоломня уходила вниз уступами. Когда-то отсюда резали темный базальт для фундаментов Верхнего Шпиля, потом породу выбрали и карьер забросили. Теперь стены поросли белесой соляной коркой, а на дне стояла плотная, вязкая мгла.

Каспар присел у края верхнего уступа, зачерпнул с камня горсть серой пыли. Пепел странный: вместо того чтобы рассыпаться между пальцами, он скатывался в плотные, чуть теплые шарики, и к черным рубцам на руке от них тянулся слабый, зудящий ток.

— Не лапай голыми руками, — одернула Ирис, заметив жест. — Это огарок. Пережженная память. Она пытается зацепиться за живую грань.

— Знаю. — Каспар вытер ладонь о полу плаща. — Внизу кто-то есть. Смотри на левую стену.

Там, за остовом сгнившего деревянного крана, мелькнул тусклый синий отблеск — точный знак граничной дуги, когда мастер вскрывает слой Шлака. Ни факел, ни керосинка так не горят.

Они начали спуск по узкой тропе вдоль стены. Камни под ногами не катились — их прибило плотным слоем слежавшейся золы, — но каждый шаг отдавался в черепе глухой вибрацией, от которой ломило зубы.

Не доходя двадцати шагов до дна, Каспар встал и вскинул сжатый кулак.

Пепельный туман внизу зашевелился.

Сперва Каспар подумал на сквозняк из боковой штольни. Но серая пелена поднималась вверх ровной, плотной стеной, отсекая выход на уступ. И из этой стены шагнули четверо.

Одинаковые глухие куртки из прорезиненной парусины, кожаные маски с узкими прорезями для глаз, тяжелые короткие цепи на левых предплечьях. В правых руках блестели длинные стальные иглы-сжигатели — толстые, с медными обмотками на рукоятях, куда грубее орденских.

— Синдикат, — выдохнула Ирис сквозь фильтр. — Черные перекупщики с Мостков.

— Не дергайся, — бросил Каспар. — Они нас ждали.

Один из четверки, самый широкий в плечах, с тяжелой свинцовой биркой на толстой цепи поверх ворота, шагнул вперед. Маска у него была поцарапана у переносицы, а голос сквозь фильтр звучал глухо, как из бочки:

— Назад дороги нет, возвращатель. Клади блокнот на камень и отстегивай иглу. Настройщица может уходить, если дергаться не станет.

— Плохо вы знаете возвращателей, — ответил Каспар, плавно перенося вес на носки. — Мы чужое берем, свое не отдаем.

Главарь торговаться не стал. Просто махнул рукой.

Двое крайних бросились вперед одновременно, разматывая цепи. Каспар рванулся влево, уходя от первого замаха — тяжелое звено со звоном высекло искры из базальта в дюйме от его виска. Поднырнул под руку второго, врезал локтем под ребра, где парусина сходилась со шнуровкой, и тут же полоснул коротким ножом по запястью.

Боевик взвыл, но не отступил — свободной рукой ткнул толстой иглой в воздух.

Вспыхнула бурая искра. Кожу на скуле обожгло сухим жаром: чужая вязь слизнула мелкий слой Праха, сбивая координацию. На секунду земля под ногами поплыла, будто уступ ушел в сторону.

Рядом грохнуло. Ирис метнула первый цилиндр — простую шумовую шашку с медной стружкой. Вспышка ослепила двоих, заставила отшатнуться в туман.

— Вправо, Каспар! — крикнула она.

Ворн перекатился по сырой золе; пыль забивалась за воротник, жгла шею. Вскочил на одно колено, выдернул собственную иглу и прижал острие к черным рубцам на предплечье.

Слой Праха был пуст. Оставался Уголь.

Он зацепил мелкое, ненужное воспоминание — запах горелой каши в казарме новициата, вкус ржавой воды из медного таза, скрип сапог старого наставника. Сжег одним рывком.

Боль полоснула по руке раскаленной проволокой. С кончика иглы сорвалась короткая хлесткая лента сизого пламени и ударила в ближайшего боевика. Того швырнуло спиной на раму сгнившего крана. Дерево треснуло, посыпалась труха.

Но главарь уже навис сверху.

Для такой туши он двигался пугающе быстро. Тяжелая цепь со свистом обвилась вокруг левого предплечья Каспара, дернула на себя, выбивая нож из пальцев. Каспар врезал ему ногой в колено — хоть бы хны, как в мешок с песком. Главарь навалился всем весом, впечатал Ворна спиной в каменную стену карьера, сдавил горло предплечьем.

Фильтр респиратора треснул. В рот и ноздри хлынул горячий, сладковатый пепел. Легкие тут же свело судорогой.

— Дорн заплатил тебе мало, — прохрипел главарь прямо в ухо. — Нам заказали твою голову целиком. Без ожогов.

Свободной рукой он отвел свою толстую иглу назад, целясь в основание шеи, туда, где кончался воротник плаща. Каспар попытался дотянуться до собственной иглы, зажатой в правой руке, но главарь придавил его запястье к камню коленом.

В этот миг за спиной здоровяка сухо щелкнул металл.

Ирис подбежала вплотную, присела и швырнула тяжелый медный цилиндр прямо между ног главаря, зажимая уши ладонями и открывая рот.

— Ложись! — успела крикнуть она.

Вместо взрыва раздался низкий, утробный гул — у Каспара заложило уши, а камешки на уступах подпрыгнули на дюйм от земли. Волна чистого резонанса прошла сквозь пепельный туман, как коса сквозь траву.

Вся серая пелена вокруг разом осыпалась на камни мертвой, тяжелой пылью. Воздушный удар сбил главаря с ног, швырнул боком на щебень. Двое оставшихся боевиков, потеряв опору, покатились вниз по склону, хватаясь за глотки — резонанс сбил им ритм дыхания, и собственные фильтры превратились в пробки.

Каспар сполз по стене на колени, срывая треснувший респиратор. Закашлялся, выплевывая черную слюну, судорожно втянул свежий — насколько он вообще мог быть свежим в Низинах — воздух.

Ирис уже стояла над главарем со вторым цилиндром наготове. Боевики, очухавшись, побросали цепи и полезли вверх по дальнему склону, скрываясь в дыму. Преследовать их никто не стал.

— Живой? — спросила Ирис, опуская руку и протягивая Каспару ладонь.

— Почти. — Ворн ухватился за ее запястье, поднялся, пошатываясь. — Что это за дрянь была?

— Модифицированный камертон на три витка, — усмехнулась она сухо, стирая пот со лба тыльной стороной перчатки. — Гасит любую вязь в радиусе пяти шагов и вышибает воздух из легких. Жаль, одноразовая. Медь внутри сгорает в труху.

Каспар подошел к главарю. Тот лежал лицом вниз, не шевелясь: при падении приложился виском об острый край базальта, из-под маски натекла темная лужа.

— Не хотел убивать, — пробормотал Ворн, присаживаясь рядом. — Нужен был язык.

Он перевернул тяжелое тело, расстегнул ремни парусиновой куртки, зашарил по внутренним карманам. Обычный набор наемника с Мостков: запасные фильтры, две склянки с дешевым стимулятором, пачка мелких медных жетонов. Свинцовая бирка на шее оказалась пустой — без имени, только грубо выбитый номер партии.

Но во внутреннем нагрудном кармане, зашитом под подкладку, пальцы наткнулись на плотную бумагу.

Он вытащил два предмета.

Первым был сложенный вчетверо лист серой гербовой бумаги. Каспар развернул его, поднес ближе к свету фонаря Ирис — и застыл.

Его собственная долговая расписка. Та самая, которую он подписал четыре года назад, уходя из Ордена Сухого Пепла, чтобы оплатить свое «освобождение» и не сгнить в штрафных штольнях. Долг, который он выплачивал по медяку каждую неделю, возвращая чужие клятвы. На уголке стояла жирная красная печать погашения и короткая приписка черными чернилами: «Выкуплено. Срок закрытия — сегодня».

— Что там? — спросила Ирис, заглядывая через плечо.

Каспар промолчал. Перевернул второй предмет — тяжелый конверт из жженого пергамента, запечатанный каплей застывшего олова без всякого рисунка.

Он взломал печать ногтем, вытянул плотную карточку. Ровным, сухим почерком, не оставляющим сомнений, было выведено всего две строки:

«Старая Библиотека Нижнего Яруса. Полночь. Приходи один, если хочешь узнать, кому ты на самом деле остался должен».

И в самом низу, вместо подписи — крошечная, нарисованная от руки тройная спираль, перечеркнутая острием иглы.

Каспар медленно сложил карточку и убрал в вощеный блокнот.

Глава 3. Пустой лист

За полчаса до того, как они вышли к провалам Нижнего Яруса, в лечебнице Ирис на спиртовке закипела медная турка.

Кофе в Низинах был редкостью — его везли караванами через перевал, пережаривали в чугунных барабанах и продавали на вес, как добрый порох. Ирис хранила жестяную банку в глубине аптечного шкафа, за склянками с сулемой.

Каспар сидел на краю верстака, свесив ноги. Левое плечо стягивали свежие полосы пластыря: удар цепью в каменоломне рассек кожу до самой ключицы, но кость осталась цела.

Ирис молча разлила густую, почти черную жижу в две жестяные кружки со сколотой эмалью. Одну протянула ему. Пальцы их на миг соприкоснулись на горячем ободке — ладонь у нее сухая, шершавая от едкой соды и мелких порезов, но теплая.

— Пей, — сказала она. — Пока не остыло. На вкус дрянь, с цикорием пополам, но давление держит.

Каспар глотнул.

Из-за белой слепоты он не различал оттенков — ни кислого, ни сладкого, ни того тонкого букета, о котором так любили спорить торговцы на Террасах Ремесел. Но сквозь мертвую пелену пробилось другое: обжигающий кипяток, плотная вязкость на нёбе и резкий, горький дымок жженого зерна, ударивший в пазухи носа. На пару вдохов мир перестал состоять из одной сырости, золы и боли в перебитой руке.

Ирис стояла напротив, обхватив кружку обеими ладонями, смотрела на пар, поднимающийся к низкому потолку. Плечи ее чуть опустились. Впервые за всю ночь она перестала напоминать взведенную пружину.

— Спасибо, — сказал Каспар. Он и не помнил, когда в последний раз говорил это слово просто так, не за услугу.

Она коротко кивнула, допила остаток одним глотком и сунула кружку в таз с водой.

— Пора. До полуночи сорок минут, а через сточные мосты придется идти в обход патрулей.

Старая Библиотека Нижнего Яруса не была библиотекой уже лет тридцать.

Когда Кальдгард тряхнуло от второго Обвала, и Окаменелое Сердце в глубине кратера треснуло, выпустив столб черного пепла, огромный свод над западным архивом просел. Поло-

вина здания ушла в породу, верхние этажи завалило битым камнем, а нижние — где хранились старые реестры дознавателей и хроники первых мастеров — превратились в каменный мешок с двумя выходами.

Оба выхода, как знал Каспар, заварили решетками еще при старом совете.

Только решетки ржавеют, если снизу тридцать лет тянет серный пар.

— Здесь, — шепнула Ирис, придерживая полы кожаной куртки.

Они спустились по пологому скату из слежавшейся изгари к широкой проломанной амбразуре бывшего светового колодца. Три железных прута вывернуло наружу с такой дурью, будто их дернули лебедкой — или чем похуже. Внизу чернел провал, пахнувший сухим тлением, пылью и жженым пергаментом.

— В письме сказано «приходи один», — напомнила Ирис, привязывая конец тонкой пеньковой веревки к толстой балке. — Если там Крей или его люди, меня заметят раньше, чем мы коснемся пола.

— Значит, я пойду первым. — Каспар дернул узел, проверяя на прочность; грубая пенька врезалась в перчатку. — Ты останешься на галерее второго яруса. Услышишь хлопок или увидишь синий свет — бросай остатки своих шумовых шашек и уходи наверх, к Лукасу. Не жди.

— Я союзников в яме не бросаю, Ворн. — Она говорила без всякого пафоса, проверяя защелку на фонаре со сдвижной шторкой. — И сдохнешь ты там — кто объяснит Дорну, куда делся его чертов Камертон? Я? Мне не поверят.

Спорить он не стал. Просто перекинул ноги через край пролома и полез вниз по веревке, упираясь подошвами в скользкий от копоти камень.

Библиотека встретила его густой, неподвижной прохладой.

Свет прикрытого фонаря выхватил из темноты ряды высоких дубовых стеллажей, почерневших от времени и старой сажи. Почти все полки обрушились, завалив проходы грудами отсыревших фолиантов и полуистлевших свитков. Бумага здесь не гнила — в сухом серном воздухе она превращалась в ломкую желтую шелуху, готовую рассыпаться от одного касания.

Ирис спустилась следом, бесшумно спрыгнув с высоты человеческого роста на кучу спрессованных обложек. Погасила свой фонарь, оставив гореть только узкую щель у Каспара, и кивнула на каменную винтовую лестницу, ведущую на остатки балкона.

Они разошлись. Каспар остался внизу, в центральном нефе, где когда-то стояли столы переписчиков. Ирис скользнула в пролет, прижимаясь к стене.

Каспар пошел между двумя рядами шкафов. Под сапогами сухо хрустели обломки сургучных печатей и растрескавшиеся корешки. На уцелевших полках еще стояли толстые учетные книги в свиной коже, но стоило задеть край переплета рукавом — бумага осыпалась серой трухой. В глубине нефа, за перевернутой кафедрой, чернели следы недавнего костра — не дровяного: на каменных плитах остались ровные круги с оплавленными краями, будто кто-то жёг здесь огарки, не боясь обвала.

Ирис наверху двигалась почти неслышно; лишь раз под ее башмаком коротко скрипнула рассохшаяся половица балкона. Каспар замер, переждал три вдоха, вслушиваясь в гул камня. Здания Нижнего Яруса жили своей жизнью: далеко внизу, под фундаментами, гудело Окаменелое Сердце, и стены библиотеки глотали этот гул, не отдавая ни единого эха.

Он вытащил латунную флягу, отвинтил крышку и глотнул горького отвара. Вкус едва пробился, зато холод сразу собрал мысли в кулак. Воздух в зале стоял мертвый, без единого сквозняка, но в носу щекотало кислым привкусом паленого металла, какой всегда оставляет после себя открытая игла-сжигатель.

В центре зала, под разбитым куполом, сквозь который просачивался тусклый багровый отсвет верхних плавилен, стоял длинный каменный стол. На нем догорала одна-единственная свеча из серого технического сала.

А рядом со свечой сидел человек.

Сидел спокойно, положив на стол раскрытые ладони, и смотрел на входную дверь, которой Каспар не пользовался.

— Ты пришел не с той стороны, возвращатель, — произнес он.

Голос ровный, без единой интонации — так чтец бубнит бесконечный список податей. Ни злости, ни торжества, ни любопытства.

Каспар остановился в десяти шагах, не отводя правой руки от рукояти иглы.

— Не люблю парадные входы. Там обычно висят свинцовые ловушки. Где Крей?

Человек медленно повернул голову. Длинный балахон из грубой некрашеной рогожи, подпоясанный пеньковой веревкой. Капюшон откинут. На вид лет тридцати, с правильными, но совершенно мертвыми чертами, будто лицо вырезали из бледного мыла. Кожа на скулах сухая, потрескавшаяся.

И глаза.

Молочно-белые, ровные, без зрачков. В слабом свете сальной свечи они глотали пламя без остатка, оставаясь матовыми.

— Учителя здесь нет, — ответил послушник. — Учитель там, где заканчивается шум. Меня оставили передать тебе расчет. И посмотреть, готов ли ты сложить ношу.

— Какой расчет? — Каспар шагнул в сторону, убирая себя с линии света от купола, и краем глаза поискал Ирис на балконе. Наверху ни одна тень не шелохнулась. Хорошо. — Вы выкупили мою долговую расписку. Зачем?

— Чтобы освободить тебя, Каспар Ворн. — Послушник встал. Двигался он странно — без лишних взмахов, без переноса веса, как отлаженный часовой механизм. Спина прямая, руки свободно опущены вдоль бедер. В правом рукаве не блестело стали, зато на тыльной стороне ладони темнела свежая, глубокая сетка грани золы — до самого Шлака. — Ты четыре года таскаешь на себе чужие клятвы. Собираешь грошовые долги и жжешь руку ради тех, кто плюет тебе в спину. Орден сломал тебя и выбросил в Ямы. Советник Дорн держит тебя на коротком поводке, обещая бумажку, которая не вернет ни вкуса, ни сна.

— Красивые речи, — сухо усмехнулся Каспар. — Для человека с выжженной головой. Кто ты?

— Я — пустой лист, — ответил тот без тени гордости. — Когда я пришел к Учителю, у меня не осталось ни страха перед завтрашним днем, ни жадности к нему. Глянь на себя, Ворн. Что держит тебя в этом городе? Память о том, кого давно нет? Страх, что завтра придут люди Дорна? Память — тюрьма. Будущее — страх. Когда сгорает и то, и другое, остается покой.

— Видел я сегодня этот ваш покой в подвале, — сказал Каспар. Пальцы нащупали кнопку фиксатора иглы. — Парень сам ложку ко рту поднести не может. И Тоби на моем пороге сдох, как бродячий пес, с вашими спиралями в глазах. Это скотобойня, а не покой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.